

Пятый принц не знал Мин Цзе, для него тот был словно чистым листом, на котором неоправданно нацарапаны иероглифы имени: возможно именно потому он сразу усомнился именно в его словах, а не в словах сидящего рядом с отрешенным выражением лица Ли Инчуня. Когда господин Ли испытывал сильные чувства, злился или находился в замешательстве, его мышцы будто непроизвольно расслаблялись, лишая лицо всякого выражения. Казалось со стороны, что юноше нет дела ни до чего, происходящего вокруг — но Фу Ичжэнь знал, что это не так. Ли Инчунь сегодня был облачен в темную мантию, а на плечах у него лежал плащ, подбитый соболиным мехом. На фоне темных тканей руки молодого человека, крепко сжавшие подол одежды, казались белоснежными, словно нефрит. Пятый принц в душе насмехался над привычкой этого человека отбрасывать собственные чувства, но подобные их проявления его высокомерный взгляд все равно неизменно притягивали.

— Чем этот Мин Цзе может доказать свои обвинения? — растягивая слова, сказал Фу Ичжэнь. — Он знает о господине Ли — но он такой не единственный. Может, он нашел старых слуг семьи Ли? Глупость, не стоящая нашего времени.

Ли Инчунь бросил на принца короткий взгляд и тут же опустил глаза к чайному столику. На нем стоял кувшин со сливовой водой и несколько чашек, из-под крышек которых тонкими струйками клубился теплый пар. Брови господина Ли нахмурились, показывая, что со своими чувствами он смог совладать.

— Его Высочество прав, но оставлять это дело без внимания нельзя, — серьезно сказал Ли Инчунь. — Господин Фэн, он сказал вам что-то еще?

— Он сказал... — протянул Фэн Жун, на миг задумавшись. — Сказал, что ему с вами нужно срочно увидеться, и что без его помощи вы наделаете ошибок, которые потом не сможете исправить.

Мгновение назад лицо Ли Инчуня было серьезно — но вдруг оно снова расслабилось: лишь тонкие брови, подобные острым клинкам, удивленно приподнялись. Фэн Жун не стал преукрашивать слова Мин Цзе, но для кого-то, кто больше всего гордился своим умом, услышать что-то, подобное «вы сделаете много ошибок», было словно для праведного совершенствующегося получить удар по лицу собственным клинком. Даже даосы Ян и Чжунчу почувствовали, как в один миг похолодел воздух от ярости, которая незримо обуяла господина Ли.

Лишь Пятый принц веселился:

— Так и сказал? Ты передал все в точности? — пряча улыбку за серьезным выражением, спросил он. Фэн Жун в ответ нахмурился:

— Так и сказал: зачем мне врать? — обычно люди делали это, чтобы не заставить кого-то чувствовать себя неловко, или, как сейчас, оскорбленно. Фэн Жуну знакомо было понятие смягчения своих слов, но сейчас он, взволнованный происходящим, даже не задумался о том, как на окружающих они могут повлиять.

— Это звучит серьезно, — продолжал Фу Ичжэнь и перевел на Ли Инчуня обеспокоенный взгляд. — Раз так, вам обязательно нужно встретиться с Мин Цзе.

Ли Инчунь взглянул на него в ответ: на миг от его горящего взгляда все тело Пятого принца обуял невыразимый жар. Горло запершило: казалось, он наяву почувствовал, как колкие слова господин Ли бледными пальцами заталкивает ему обратно в глотку. Темные тени под глазами молодого человека делали лицо серьезным, но в первый раз на памяти Фу Ичжэня пыльная

яшма его глаз обратилась горящим самоцветом, который внезапно подарил тепло скулам и принес с собой густой медовый запах. Пятый принц лишился возможности говорить.

Господин Ли между тем смог совладать с собой.

— Что ж, — голосом настолько холодным, что стоящие в отдалении даосы и Фэнцзи невольно теснее прижались друг к другу, сказал Ли Инчунь. — Что ж. Он хочет встретиться? Хорошо. Хорошо, я не против. Господин Фэн, — Фэн Жун тут же выпрямился. — Нашу встречу я попрошу организовать вас. Вы тут, кажется, единственный, кто осознает происходящее, — сказав это, господин Ли вновь посмотрел на Фу Ичжэня: на этот раз не яростно, но будто давая какое-то обещание. — Кроме того, это поможет вам убедиться в том, что тот человек — лжец.

— Хорошо, — задумчиво нахмурившись, кивнул Фэн Жун. — Я что-нибудь придумаю.

Фэн Жун посидел в Саду камелий еще немного, но, погруженный в свои мысли, быстро ушел. Он был молод и порывист, и, кроме серьезного отношения к важным вещам, иногда мог позволить себе взяться за сомнительные авантюры. Устройство тайной встречи между двумя людьми, которых никогда не должны вместе увидеть — разве это не увлекательно? Лучше, конечно, по мнению Фэн Жуна было бы, если бы Мин Цзе и господин Ли были любовниками — тогда у встречи появилось бы особое волнующее значение, — но и попытка дознаться, кем же все-таки они приходятся друг другу, тоже интересна.

Пятый принц же уходить не хотел: он остался в покоях господина Ли даже тогда, когда тот вернулся к своему письменному столу и, взявшись за кисточку, принялся записывать что-то. Фу Ичжэнь сначала наблюдал за ветками растущего близко к окну дерева, которые чернильными полосами просматривались сквозь промасленную бумагу, но позже взгляд его невольно обратился к чужим держащим кисть пальцам. Они тоже чем-то напоминали ветви дерева: тонкие и несуразно длинные,двигающиеся быстро, но с неуловимой грацией, словно подхваченные порывами холодного ветра.

Ли Инчунь не желал обращать на принца внимание. Его, несмотря на высокое положение, в целом очень скоро все позабыли: даос Чжунчу вышел на улицу и там, приняв позу для медитации, задремал; даос Ян и Фэнцзи устроились во внешней комнате играть в облавные шашки. Даже Дами, пришедший, позевывая, из внутренних покоев, лишь важно обнюхал подол одежд Пятого принца, прежде чем, фыркнув, удалиться на колени Ли Инчуна. Там он очень скоро тихо замурчал.

— Господин Ли, неужели вы даже не спросите, зачем я остался? — через некоторое время спросил Фу Ичжэнь. Не от неловкости тишины — спокойствие он любил и мог в своих мыслях провести целый день, — а от странного ощущения, рождающегося в даньтяне от наблюдения за каллиграфией Ли Инчуна. Казалось, движения рук юноши его завораживают, погружают в сладкую дрему наяву, в которой забываются все печали.

— Нет, — коротко отозвался господин Ли, но, чтобы продолжить болтать, Фу Ичжэню нужен был только звук его голоса.

— Хорошо, что вы спросили. Видите ли, это дело связано с общим нашим общим знакомым, потому я решил, что узнать ваше мнение о нем не будет лишним. Сегодняшним утром Третий принц...

— Я не знаю Третьего принца, — не отрываясь от работы, сказал господин Ли.

— Речь не о нем, — ничуть не обиженный, ответил Пятый принц. — Третий брат случайно

встретился мне сегодня, когда я покидал Запретный город. Как ты знаешь, некоторое время назад он помог мне на собрании в зале Императора, чем навлек на себя интерес Цзяняньского хоу. Так же, как с тобой или Сяоху Данем, хоу, однако, поступить с принцем не может, потому сейчас только злобно смотрит на него и, скорее всего, готовит какую-то пакость. Я не просил Третьего брата о защите, но поздно считаться теперь, когда он уже мне помог. Из-за этого случая я оставался у брата в долгу, и сегодня он наконец сказал, чего от меня хочет.

Ли Инчунь отложил кисть, растер немного чернил в плоской чернильнице, и вновь вернулся к письму, не отрывая от листа бумаги перед собой взгляда. С его места Пятому принцу не видно было, что господин Ли так упорно пишет, но всем видом тот показывал, что от важного занятия его отвлекает пустая болтовня.

Фу Ичжэнь продолжал:

— Господин Ли наверняка выведал уже у учителя Юаня нынешнюю расстановку сил в столице. Император в добром здравии и метить на Драконий трон пока рано — но то не значит, что борьба за него не идет. У Его Величества много тревог, одна из которых — увеличение влияния некоторых людей. Наследник рода Лю и единственная дочь семьи Гао не так давно вступили в брак: а теперь Императору донесли, что Гао Нин понесла ребенка.

— Вот как, — сказал Ли Инчунь. Пятый принц заметил, что, пусть кисть в его руках ни на мгновение не прекращала изящного движения, глаза господина Ли замерли в одной точке, словно он о чем-то рассуждал. Юноша все же не смог сдержать интереса: — Третий принц просит Ваше Высочество поговорить с Пань Танем, и через него убедить госпожу Гао отказаться от ребенка?

— Именно так, — сказал Фу Ичжэнь. Игривая улыбка маской скрывала его лицо, но сердце вдруг встревоженно забилося в груди. Он не нуждался в совете Ли Инчуна, не зависел от его мнения — ему вовсе не нужна была чужая помощь. Но когда господин Ли начал задумчиво говорить, Пятый принц ощутил неуместное облегчение.

— Уболтать генерала вам, может, и удастся, но госпожа Гао иное дело. Я никогда не был с ней знаком, но женщина, что вопреки желанию семьи сбежала на поле боя, а теперь вернулась оттуда с супругом, вряд ли легко поддастся чужому влиянию. Если этот ребенок был ее желанием, она ляжет на его защиту когтями.

— Что бы господин Ли ей сказал? — спросил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь вскинул на него взгляд, но неожиданно не стал бросаться колкостями, а честно ответил:

— Император не желает видеть этого ребенка живым — а значит, не желают и сами Небеса. Позволить ему родиться означает обречь на ужасные страдания, что все одно не продлится дольше нескольких лет. Выбор госпожи Гао сейчас это не решение между жизнью и смертью не родившегося наследника, а между жизнью и смертью ее и ее мужа. Подчинятся они воле Императора — и продолжат мирно жить под покровительством хоу, нет — останется только принять от него в дар отрезь белого шелка.

Фу Ичжэнь был согласен с этим, он сам рассуждал схожим образом. Чем ближе к солнцу, тем вокруг становилось жарче: подле Императора, купаясь в лучах славы и богатства, следовало внимательно следить за каждым своим шагом, пусть даже сделан он был в тишине внутренних покоев. Пятый принц, однако, не мог не спросить:

— Господин Ли, как вы можете говорить такое о невинном ребенке? Разве вам не становится от

этого не по себе?

Только теперь Ли Инчунь наконец отложил кисть и вопросительно изогнул бровь. Он словно спрашивал: «И это мне говоришь ты?». Однако обратиться так к особе императорских кровей было бы слишком грубо, потому господин Ли соединил пальцы на уровне груди и ответил:

— Желаете меня подловить? Вот, как я думаю: Гао Нин и Лю Гуанмин — оба отличные полководцы и принесли стране много славных побед. Они молоды и поучаствуют еще во многих компаниях — а что же их ребенок? Он может родиться слабым и болезненным, может стать молодым господином, что будет прожигать богатство родителей, или госпожой, что никогда не выйдет за пределы внутренних комнат. Он может вовсе умереть в родах — а расположения Императора будет уже не вернуть. Я считаю, что глупо желать получить все и сразу: чете Лю нужно либо отказаться от наследников, либо от своих титулов — если пожадничают, то сгинут сами и навлекут беду на девять поколений своих семей. Сейчас же мои рассуждения просты: два талантливых человека против одного неизвестного — конечно же, лучше поскорее избавиться от него.

Пятый принц слушал, внутренне согласный с каждым сказанным словом, но язык его зудел, желая спорить. Юноша попытался понять это свербящее чувство, идущее из глубины души, жаждущее господина Ли подловить, задеть, увидеть вновь в его взгляде огонь. Фу Ичжэнь, однако, умел себя сдерживать, потому только покивал, отведя взгляд.

Не имея сил усмирить свою душу, он поднялся, и вдруг взгляд его упал на лист перед господином Ли. Пятый принц ожидал увидеть там качающиеся, словно травы на ветру, ряды иероглифов, но неожиданно оказалось, что все это время желающий казаться серьезным Ли Инчунь рисовал разные бессмыслицы. В начале листа еще было несколько строк какого-то древнего изречения, а после распустились ветки сливы, длинные травинки и состоящие из тонких палочек человечки со злобными рожицами. Фу Ичжэнь любопытно приблизился.

Пойманный на подобном занятии, Ли Инчунь на мгновение замер, а потом принялся убирать лист желая выкинуть его, как ни в чем не бывало. Пятый принц, однако, оказался рядом достаточно быстро, чтобы удержать лист на положенном ему месте, прижав в столешнице рукой.

— Господин Ли, вы разве не тренировались в письме? — не имея сил сдержать улыбку, спросил он. Ли Инчунь спокойно ответил:

— Так и есть. Смотрите, — он указал на первые свои записи. — Разве это не иероглифы?

— «Невозможно управлять армией, не снимая тонких перчаток», — прочитал Фу Ичжэнь и кивнул. — А что же дальше?

Ли Инчунь без доли смущения сказал:

— А разве не понятно? — он указал на самого корявого и хмурящегося сильнее прочих человечка. — Вы.

— Как это могу быть я? Он такой несуразный и хилый. Я куда выше, сильнее и лицо у меня красивое.

— Вы сидели далеко, я не разобрал, — отмахнулся Ли Инчунь. Пятый принц усмехнулся:

— Вот теперь я близко, приглядитесь, чтобы в следующий раз нарисовать лучше.

Ли Инчунь поднял на него взгляд, а через мгновение, тяжело оперевшись на стол, встал. Дами мягко спрыгнул с его колен и в удивлении закрутил головой, словно не понял, что произошло. Фу Ичжэнь был выше господина Ли всего на несколько цуней, потому Ли Инчуню не приходилось поднимать голову, чтобы поглядеть на него. Когда он поднялся, Пятый принц не отступил, и теперь молодые люди стояли так близко, что стоило немного податься вперед и их бедра бы соприкоснулись.

Неожиданно Ли Инчунь протянул руку и взял Фу Ичжэня за подбородок. Так фамильярно к драгоценному лицу Пятого принца не прикасались даже в далеком детстве его кормилицы, потому от неожиданности Фу Ичжэнь замер, вздернув брови и широко открытыми глазами смотря на молодого человека перед собой. Вблизи его кожа казалась еще бледнее, у губ и на веках можно было рассмотреть синие полосы вен, а в уголках глаз — мелкие морщинки. Это лицо, однако, неожиданно не показалось Пятому принцу безжизненным и уставшим, а когда тонкие губы изогнулись в усмешке, и вовсе на миг всякие мысли покинули его голову.

— И в самом деле, — покрутив голову Фу Ичжэня из стороны в сторону вынес вердикт Ли Инчунь. — Хорошо: в следующий раз у меня выйдет лучше.

Господин Ли убрал пальцы с чужого подбородка: его руки были холодными, и после их небрежного прикосновения лицо будто горело. Ли Инчунь, не чувствуя ни смущения, ни стыда, отошел от Пятого принца и, опираясь на столешницу, безмятежно позвал слуг, чтобы продолжить заниматься делами.

Искусно отвлекая себя разнообразными бессмысленными занятиями, Ли Инчунь и не заметил, как Пятый принц ушел. Поняв это, он вдруг замер в центре комнаты, хмуро смотря на входную дверь и не понимая, что он чувствует теперь. Поддерживающий его даос Чжунчу оглянулся на дверь тоже, но молчать смог лишь пару мгновений:

— Чего вы? — бестактно спросил он, заглядывая Ли Инчуню в лицо. — Забыли что-то сделать? Я пошлю Фэнцзи, если нужно.

Господин Ли взглянул на него:

— И не стыдно скидывать всю работу на девушку?

— Она вроде и не против, — растерянно отозвался даос, но после нахмурился, принявшись бормотать: — Или что, все мы должны делать? Мы хоть и спутники Пятого принца, но не его слуги, и сами, между прочим, из приличной школы. Увидели бы шисюны, как мы прислуживаем — покатались бы со смеху. Мне и самому, вообще-то, положено несколько слуг, пусть я и не...

Ли Инчунь не слушал его: с сухого лица старика он опустил взгляд на руку, поддерживающую предплечье юноши. Прикосновение даоса Чжунчу было крепким и бережным, но в себе не несло никакого иного смысла, кроме помощи: он, вероятно, даже подумать не мог о том, что к людям можно прикасаться по-иному. Чжунчу Чэн похлопывал по плечам товарищей, держался с кем-то за руки, с другими дрался — для него в прикосновениях не было ничего необычного, ничего ненормального. Так быть и должно было.

Ли Инчунь отдернул свою руку и сам сделал несколько нетвердых шагов к кушетке. Сев, он тяжело вздохнул и поднял ладонь, рассматривая свои пальцы. Кожа Пятого принца была горячее и, казалось, пусть с прикосновения прошло уже достаточно времени, кончики пальцев все равно хранили в себе это обжигающее тепло.

— Господин Ли? — удивленно склонил голову, словно глупая собака, спросил даос Чжунчу. Ли Инчунь взглянул на него.

— Как ты думаешь, — спросил он. — Со мной все в порядке?

Чжунчу Чэн нахмурился и непонимающе встряхнул головой. Ему прежде не задавали таких вопросов и сам он никогда о таком не думал: оглядев Ли Инчуна с головы до ног, он с сомнением ответил:

— Да?..

Ли Инчунь, однако, продолжал задавать странные вопросы:

— Почему ты так думаешь?

— Почему? — переспросил даос Чжунчу. — Ну, у вас две руки и две ноги, обычное лицо, вы разговариваете, как все... Значит, наверное, все в порядке? Вы немного нездоровы, но это же пройдет однажды, зачем вспоминать.

Ли Инчунь задумался: говорили, истина в словах невинного ребенка, но в болтовне глупца ее тоже можно было найти достаточно. По крайней мере той истины, которую хотелось слышать. Господин Ли задумчиво перебирал пальцами, ощущая, как тяжесть в его груди будто с каждым мгновением становится все невыносимее, словно тихое прежде лесное озеро во время паводка наполняется бурой дождевой водой. Вода и грязь сочились уже с низкого берега, плавала по поверхности грязная пена, ветки деревьев и прочий мусор. Вода, однако, оставалась водой даже теперь, потому Ли Инчунь решил не задумываться об этом слишком много, похоронив все, что он чувствовал, в глубине души.

Мленький театр:

Фэн Жун: Эх, было бы забавно, если бы у господина Ли и Мин Цзе была любовная встреча. Или нет, господин Ли больше подойдет Третьему принцу: они сойдутся характерами. Хотя, официально он же все еще числится наложником хоу?..

Фу Ичжэнь: Я для тебя шутка?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1722730>